

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.П. Кулакова

**ПРОТОКОЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

Препринт WP19/2013/01

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2013

УДК 930.25
ББК 79.3
К90

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

К 90 **Кулакова, И. П.** Протоколы конференции Московского университета второй половины XVIII века: история создания и использования : препринт WP19/2013/01 [Текст] / И. П. Кулакова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 48 с.

В статье рассматривается уникальное собрание документов и материалов – так называемые Протоколы университетской Конференции второй половины XVIII века. Вот уже 150 лет они являются достоянием публичного дискурса, однако их источниковедческий потенциал далеко не исчерпан; они также никогда не рассматривались как продукт самоописания и университетской памяти. Автор рассматривает историю и механизмы складывания этого архивного комплекса, а также историю его изучения с начала XIX века вплоть до наших дней.

УДК 930.25
ББК 79.3

Kulakova, I. P. Moscow University Conference Reports of 2nd half of XVIII c.: the story of composition and usage : Working paper WP19/2013/01 [Text] / I. P. Kulakova ; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. – 48 p. (in Russian).

The article examines the unique assembly of documents and materials – so called Moscow University Conference Reports of 2nd half of XVIII c. For about 150 years they have been a part of a public discourse, but their source study potential is far from being exhausted; they were never considered as a product of university memory and self-description. The author considers a history and mechanisms of composing of this archival complex, and also a history of its studying from the beginning of 19 c. down to our days.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Кулакова И. П., 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

Предмет нашего внимания – так называемые протоколы (акты) университетской Конференции (Ученого совета) Московского университета – пятнадцать увесистых томов документов и бумаг из архива «допожарной» эпохи Московского университета (за 1755–1786 годы). (Для краткости мы будем условно называть их Протоколами, хотя помимо материалов текущего делопроизводства в книги были подшиты еще некоторые виды документов и материалов¹.)

Тексты Протоколов, дополненные информацией из других источников, дают представление о рутинной жизни университета. Однако реконструкция и всестороннее изучение архива Московского университета за вторую половину XVIII века представляют собой задачу будущего. Это, надеемся, станет возможно после выхода в свет всех томов фундаментальной публикации, которую после длительного сбора материалов в различных российских и некоторых зарубежных архивах, библиотеках и музеях с 2006 года осуществляет Д.Н. Костышин². Он (в сотрудничестве с Е.Е. Рычаловским) начал публикацию многотомного сборника документов, относящихся к истории университета за 1754–1804 годы, большинство которых публикуется впервые. Протоколы же, о которых идет речь, опубликованные в 1960–1963 годах³, решено не включать в новую публикацию: с точки зрения археографии издание 60-х годов не потеряло своей ценности (а повторная публикация значительно увеличила бы объем издания)⁴.

Итак, Протоколы, это уникальное собрание документов и материалов, вот уже 150 лет потенциально являются достоянием публичного дискурса.

¹ Тома университетского архива хранятся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В литературе этот комплекс часто называют «снегиревским собранием» (о роли И.М. Снегирева см. ниже).

² На данный момент вышло два тома: История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Сб. документов. Т. 1. 1754–1755. М.: Academia, 2006; Т. 2. 1756. М.: Academia, 2011 (сост., вступ. стат. и прим. Д.Н. Костышин; отв. ред. Е.Е. Рычаловский).

³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. [В 3-х т.] Подг. к печати Н.А. Пенчко. М., 1960–1963. Далее: Документы.

⁴ История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Т. 2. С. 6 (из предисловия).

Осознавая историческую ценность этих источников, стоит задуматься о том, каковы были механизмы складывания этого архивного комплекса, насколько он представителен и как за 150 лет распорядились им историки: насколько объективно и исчерпывающе использовали они этот архив, в какой мере он освоен и в чем разные поколения исследователей видели его ценность. Данная задача представляется актуальной ввиду общей критики исторических методов и способов упорядочивания прошлого.

При изучении документальных материалов XVIII века полезными могут быть новые исследования историков, изучающих университетскую культуру России XIX века⁵. Обращаясь к роли историка в реконструкции прошлого, эти авторы привлекли внимание читателя к такому фактору, как логика развития университетского дискурса – производства высказываний об университете, а также отбора на хранение в университетских архивах документов, лежащих затем в основу нарративов. Справедливо указание авторов этого труда на то, что изучение университетской культуры иной эпохи требует адекватного понимания ее языка, учета несовпадений в понимании, в семантике многих терминов.

Добавим: не менее существенно и то, на что указывают представители исторической психологии и антропологии, университетами не занимающиеся: смыслы и мотивации поведения людей прошлого могут лишь внешне напоминать интенции человека современности. «Рассматривать архивы как вхождение в сферу “инаковости”»⁶ – это требование можно отнести и к изучению специфического «языка» российской университетской повседневности XVIII века, в котором смешались традиции средневековья и Нового времени. Не менее важно при рассмотрении функционирования делопроизводства опускаться на личностный уровень, уровень микроситуаций, рассматривая социальную практику отдельных действующих лиц.

Обратимся к той логике, которая определяла и сопровождала судьбу Протоколов: их создание, «утрату», возвращение в университет и функционирование – использование в университетском дискурсе различных эпох.

⁵ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

⁶ Сэбин Д.У., Кром М., Альгази Г. История и антропология, путь к диалогу // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб.: Алетейя, 2006. С. 15.

Российская специфика

Чтобы адекватно оценить данный источник, необходимо иметь в виду специфику российской интеллектуальной традиции, предопределившую взаимодействие государства и интеллектуальных сообществ, потребности и задачи которых не во всем совпадали.

Конференции ученых корпораций европейских университетов XVIII века имели богатую историю, уходящую корнями в средневековье (эта модель к концу XVIII века повсеместно испытывала кризис, уже с начала XIX века принесший переход к новой модели университета – «модели Гумбольдта»).

Для России и университет, и «конференция» были, напротив, новыми по типу объединениями, порожденными открытием в 1725 году в С.-Петербурге Академии наук и ее учреждений, задуманных Петром I. Новизну этих явлений трудно преувеличить: допетровская Россия развивалась как закрытый для Запада самодостаточный мир, традиционное общество со своими механизмами саморегуляции, определявшими специфику развития ее интеллектуальной сферы. Несмотря на сложившуюся за много веков традицию высокой книжной культуры, продолжала существовать и прочная устная культурная традиция, в лоне которой еще и в XVIII веке продолжала пребывать большая часть населения России как аграрной страны. Слом устоев в петровское время имел следствием привнесение научного дискурса как нового типа деятельности, не имевшего аналогов в исторически сложившемся наборе практик. С другой стороны, не только сознание, но и сословные традиции и формы самоорганизации сословий также были весьма специфичны, хотя и продвинуты за полвека петровских преобразований (ведь даже появление «дворянского собрания» на 1755 год было еще делом будущего).

В этих условиях адаптация университетской культуры проходила с большими трудностями, что и показала история Академического университета. Тем не менее к 1755 году в рамках Академии наук уже выросло целое поколение ученых российской школы, знакомых с академической практикой. Таким образом, университет в Москве⁷ должен был одновременно аккумулировать опыт приглашенных из Европы профессоров, носителей университетских традиций, и «петербургский» оте-

⁷ Выбор города был принципиален для М.В. Ломоносова как генератора идеи университета (см.: *Ломоносов М.В.* Соч. Т. 8. М.; Л., 1948. С. 172–174).

чественный опыт, который способствовал бы *адаптации* этой традиции в России.

Хотя университет (пока в виде гимназии) открылся весной 1755 года, первое официальное заседание Конференции (или, как ее еще называли, Ученого совета или просто Совета профессоров) прошло лишь 16 октября 1756 года – с появлением в университете первых профессоров, составивших небольшую группу из трех человек⁸. Согласно «Проекту о учреждении Московского университета», составленному М.В. Ломоносовым и И.И. Шуваловым (§ 7), все профессора должны были раз в неделю⁹ (в присутствии директора) иметь «собирания, в которых советовать и рассуждать о всяких распорядках и учреждениях, касающихся до наук и лучшего оных произвождения»¹⁰.

Сначала рассмотрим условия, в которых приходилось действовать Конференции профессоров.

Структуры управления

Из протоколов можно понять, что Куратор, живший в Петербурге, рассматривался профессорами как, говоря современным языком, «виртуальный» председатель Конференции¹¹, отслеживающий ее деятельность по регулярно отсылаемым ему документам и гарантирующий соблюдение положений Проекта о учреждении Московского университета¹².

«Проект» (§ 8) предусматривал обязательное утверждение Конференцией избранного профессором основного источника преподавания его

⁸ В течение года был объявлен профессором приехавший из Петербурга Н. Поповский, затем прибыли из-за рубежа в соответствии с заключенными контрактами профессора Фромман и Дильтей (впоследствии количество профессоров увеличилось).

⁹ Постепенно выяснилось, что назначенного первоначально одного заседания в неделю недостаточно, и решено было собираться по два раза в неделю.

¹⁰ Проект об учреждении Московского университета (12 января 1755). §7. Текст см.: Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М.: Издательство Московского университета, 1953. Прил. 2 (<http://www.hist.msu.ru/Science/Ustavi/U1755.htm>).

¹¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. [В 3-х т.] Подг. к печати Н.А. Пенчко. М., 1962. Далее: Документы. Т. 2. С. 117.

¹² В отсутствие директора в Конференцию включались ассессоры канцелярии, а с февраля 1757 года и ректор (Шаден) получил право присутствия на Конференции «за особливим столом» (Документы. Т. 1. С. 36).

курса, то есть публикации, на которую опирался лектор. Подобное требование существовало и в европейских университетах, но в тексте «Проекта» оговорено право куратора вмешиваться в вопросы, связанные с чисто научной стороной дела: «...каждый повинен последовать тому порядку и тем Авторам, которые ему Профессорским собранием и от *кураторов* предписаны будут»¹³.

Директор вместе с подчиненными ему ассессорами составляли университетскую канцелярию, распоряжавшуюся университетским бюджетом, жалованием преподавателей, закупками книг и оборудования и т.п. Канцелярия была аналогом печально известной своим бюрократизмом канцелярии Академии наук. Впрочем, директор по замыслу Шувалова (согласно Проекту, п. 3) не являлся только чиновником, он должен был обязательно знать «науки» (то есть учитывать специфику заведения) и фактически выполнять часть тех функций, которые в европейских университетах поручались ректору (присутствовать на заседаниях Конференции, на экзаменах и вообще «науки учредить»)¹⁴.

В итоге канцелярия в Московском университете, подчиненная к тому же куратору, не играла такой самодовлеющей роли, как академическая (Н.А. Пенчко считает, что ее как органа управления вообще не существовало¹⁵). Однако деятельность ассессоров, составивших этот орган, «противостояла» научной коллегии университета всей логикой своей деятельности. Она по определению выступала как инструмент контроля и информирования куратора в самых разных сферах («для порядочных щетов и экономии», «принять рапорты от гг. инспектора, ректора и пристава»), а также как дисциплинарный орган и инструмент надзора. Ее служащие должны были наблюдать за расписанием, поведением и пищей студентов, за чистотой, за лазаретом, «чтоб не случилось пожара». На плечи сотрудников канцелярии ложилось осуществление важных властных полномочий в рутинной сфере повседневного быта. Ученикам гимназии и студентам задавались пространственные рамки (разделение на классы и уровни, дворян и разночинцев в столовых; устройство учебных помещений и разделение жилья казеннокоштных и своекоштных – в домашнем быту, выделялись Пансион и «отборный» ректорский класс). Время, структурированное властными полномочиями, также делилось на учебное

¹³ Пенчко Н.А. Основание. С. 153. (курсив мой. – И. К.).

¹⁴ О функциях директора и канцелярии см.: Пенчко Н.А. Основание. С. 54–56. См. также: *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 112–113.

¹⁵ Пенчко Н.А. Основание.

(классное и домашнее), досуговое, прогулочное, праздничное, каникулярное, и т.д. Необходимо иметь в виду, что хотя рутинные поведенческие модели, которые задаются каждым учебным заведением, обычно не осознаются как принуждение, «государственной структуре при всем том, что есть у нее обобщенного, абстрактного, даже насильственного, не удавалось бы удерживать таким вот образом, непрерывно и мягко, всех этих индивидов...», если бы она не использовала... все возможные мелкие локальные и индивидуальные тактики»¹⁶.

На практике университетское пространство в XVIII веке тем более являлось «дисциплинарным», поскольку именно здесь происходило формирование новых для всей культуры навыков поведения учащихся, заданных новыми стандартами, определявшими все, начиная с внешнего вида и манер, и заканчивая изменением ценностных ориентиров и воспитанием «нового человека»¹⁷.

Сотрудники канцелярии (ими были ассессоры, то есть служащие дворянского происхождения) были склонны расширять сферу своей деятельности. Как должностные лица, то есть представители власти, по законам Российской империи они имели право на повиновение своим распоряжениям¹⁸ и не упускали случая продемонстрировать это. Как чиновники, включенные в образовательную структуру, они не полностью осознавали ее специфику, вмешивались в процесс преподавания и научной деятельности, что и порождало клубок противоречий. Впрочем, надо констатировать, что и в списке обсуждаемых профессорами на Ученом совете проблем очень велика доля таких «внеаучных» вопросов, как текучка состава учащихся, дисциплина и материальная поддержка несостоятельных воспитанников, включая самые мелкие их заботы.

Университет был структурой, не вписывавшейся ни в практику дворянского хозяйствования, ни в систему имперской сословной политики. С момента основания он получил особый правовой статус (и даже в документах именовался «новым местом»). Во внешней сфере дела Москов-

¹⁶ Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Практикс, 2002. С. 290.

¹⁷ См.: Норберт Элиас. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб, 2001; Идея воспитания «нового человека» в эпоху Просвещения в странах Западной Европы и России // Теория и практика воспитания «Нового человека» в истории педагогики (социально-политический аспект): сб. научных трудов под ред. Г.Б. Корнетова и О.Е. Кошелевой. М., 2008.

¹⁸ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII–XX века. М., 1999. С. 122.

ского университета были подведомственны напрямую Сенату, но главной фигурой в этой иерархии, своего рода медиатором был «превосходительный господин куратор» (так звучало обращение к нему) – «независимый арбитр» проживавший в С.-Петербурге и имевший право в определенных случаях обращаться непосредственно к императрице.

Высокий покровитель

Позиция куратора зависела от его личных особенностей. И.И. Шувалов, действовавший как куратор в 1755–1762 годах, чаще стоял на стороне Конференции, ограждая учебно-научную сферу от вмешательства чиновников¹⁹, хотя и сам периодически вступал с Конференцией в конфликты²⁰.

Куратор В.Е. Адодуров (1762–1778) в гораздо большей степени ограничивал полномочия профессорской Конференции в пользу директора и канцелярии. Так, к примеру, его ордер от 17 мая 1765 года полностью посвящен «неправильным», самовольным действиям Конференции. Куратор прямо ссылается на присланные ему в С.-Петербург «экстракты учиненные из протоколов»: в них он не усматривает «рассуждений до наук касающихся» и пеняет директору, что тот допустил обсуждение в Конференции дел, до нее не относящихся²¹. Конференции приходилось входить с куратором в долгую переписку, выясняя, какие же дела можно считать «учёными» и «чем... впредь должны заниматься на собраниях»²².

Таким образом, все определяла *личность* Куратора. И.И. Шувалов был достаточно «просвещён», чтобы ощутить необходимость поддержки науки (он был для императрицы и ее окружения интерпретатором ин-

¹⁹ Скорее всего, тут не обошлось без влияния М.В. Ломоносова, пострадавшего от бюрократов в Академии наук; решительно против деятельности канцелярии высказывается в своей записке и Г.Ф. Миллер, указывая на отсутствие ее существенной роли в европейской академической традиции.

²⁰ См., например, протокол заседания Конференции от 2 октября 1759 года (Документы. Т. 1. С. 154).

²¹ Там же. Т. 2. С. 117–118.

²² Там же. С. 116–119, 125, 134–135 и др.

формации, относящейся к науке и образованию), а с другой стороны – достаточно заинтересован в успехе своего начинания²³.

Ордера Шувалова, обращенные к директору или канцелярии, как правило, написаны по-русски свободным стилем, деловито, коротко и ясно (этот стиль, используемый в посланиях любого уровня, он сохранил до старости²⁴). Иногда текст напоминает деловые коммерческие бумаги²⁵, тут же переходящие в живую речь²⁶.

Войдя в роль заинтересованного наблюдателя и арбитра, он предпочитал исправлять недостатки системы с помощью распоряжений и личных финансовых средств. Было бы неверно видеть в этом лишь честолюбие. Как дворянин и культурный политик он действовал в интересах державы, а не науки как таковой (этим он отличен от другого типа – профессионала, организатора науки, каким был М.В. Ломоносов, ограниченный в своих возможностях социальным происхождением²⁷). Но, учредив университет, государство сделало его «Императорским», и Шувалов настойчиво рекомендует директору университета блюсти государственный статус университета, который с непривычки не хотят признавать чиновники в Коллегиях. В своем ордере он предлагает директору подавать жалобу на Коллегию в Сенат (обещая этой жалобе свое «сопровождение» и поддержку)²⁸.

²³ О специфике патронажа в сфере российской науки 18 в. подробнее см.: *Кулакова И.П.* И.И. Шувалов и Московский университет. Тип «просвещенного покровителя» (к постановке проблемы) // *Философский век. Альманах.* 8. Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории». К 275-летию Академии наук. СПб., 1998; *Кулакова И.П.* Михаил Ломоносов: жизненные стратегии в контексте эпохи // *Вестник Московского университета.* Сер. 8 «История». 2011. № 4. С. 26–28.

²⁴ См., например: Письмо И.И. Шувалова. 7 февраля 1797 года. Из бумаг графа Николая Петровича Шереметева // *Русский архив.* 1897. № 10.

²⁵ Например: «На нынешней неделе отпущено бумаги: в 1 ящике под № 1 миттель роайль тритцать стоп, еще в пяти ящиках под № 3 заморской комментарной, в каждом по сороку стоп» и т.д. (Документы. Т. 1. С. 107).

²⁶ «Я слышал, что некоторые ученики взяли свои от университета увольнении, о которых мне неизвестно. Того ради изволите прислать мне их имена... Учителя Соловьева – я слышу, что он человек весьма прилежный и знающий – отпускать жаль. Если можно – старатся его уговорить и удовлетворить...» (Там же. С. 107–108).

²⁷ В более позднее время в Германии успешный вариант деятельности реализовал А. Гумбольдт, который, будучи практикующим учёным, одновременно распределял большие исследовательские и организационные задачи.

²⁸ «Подчиненные коллегиям, следовательно и Университету, судебные места... совсем указов канцелярии университета не исполняют... оному видно инова способу нет... как принести жалобу правительствующему Сенату». Результатом жалобы стал указ

Шувалов внес огромную лепту в становление университета, хотя опека подобного рода, возможно, лишала университетскую систему опыта саморегулирования и, главное, не давала гарантий на будущее.

Смерть Елизаветы Петровны в 1761 году моментально сказалась на статусе Шувалова. В 1762 году он оказался обвинен новым куратором В.Е. Адодуровым в том, что *недостаточно жестко* контролировал университет (Шувалов оправдывается: «... более старание я и прилагал к ево основанию и распространению, нежели к подробному наблюдению канцелярского порядка»). Смешав кассы университета и подведомственной ему же Академии художеств²⁹, излишне доверяя канцелярии (некоторые векселя оказались «не протестованными»), Шувалов, признавал теперь свою неосторожность в выдаче денег без бюрократических проволочек – «не в силу указов», «без поруки и без закладу». Он предлагал Сенату либо «списать» их – в счет того, что от себя отдавал на университет, либо благородно был готов возместить ущерб³⁰. Выяснилось, что на проекте об учреждении университета императрица Елизавета подписала собственноручно: «Дополнение штата отдается в волю кураторов», вследствие чего все дела университетские правились «высочайшею доверенностию»³¹. Здесь мы наблюдаем ту неразделенность функций, которую исследователи считают системной чертой российской социальности: «власть претендовала на то, чтобы быть единственно реальным институтом» и «главными были задачи, поставленные в данный момент властью, а не инерция сложившейся функции»³².

Позднее, в 1763 году, профессор И.Г. Рейхель писал, характеризуя состояние университета в связи с приходом нового куратора В.Е. Адодурова и назначением на пост директора М.М. Хераскова: «Я почти потерял надежду на лучшие времена. Новый директор не в ладах с куратором,

22 декабря 1757 года, подтвердивший привилегии университета (Документы. Т. 1. С. 60, 309).

²⁹ Шувалов сам признавал, что, лагая дыры, вынужден был рассматривать подопечные ему Московский университет и Академию художеств как «сообщающиеся сосуды»: «Оба сии училища, под моим одним будучи правлением, часто заимообразно деньги имели» (В правительствующий Сенат Императорского московского университета от куратора И.И. Шувалова доношение // ЧОИДР. 1858. Т. 8. С. 70, 72.).

³⁰ Документы. Т. 1. С. 311.

³¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 25. Кн. 13. 1762–1765. Гл. 3. Продолжение царствования императрицы Екатерины II Алексеевны. 1763 год (<http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/soloviev/solv25p3.htm>).

³² *Шемякина О.Д.* Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

а тот с ним, полномочия канцелярии поднялись до самой вершины, даже именно канцелярия теперь основное слово, а ученость – нечто несущественное»³³.

Патронажные отношения в применении к жизни университета XVIII века почти не изучались. Между тем, с точки зрения ресурсного подхода, предложенного П. Бурдьё, примененного в том числе к «практической логике» академической повседневности³⁴, можно видеть, что в университетской среде происходила постоянная конвертация различного рода ресурсов (капиталов). Самый конвертируемый в России той эпохи – это социальный капитал связей, обмена «родственными услугами» и знакомствами, которые порой имели решающее значение. Например, в 1799 году тот же М.М. Херасков, став уже куратором, ищет возможности рассмотрения университетских нужд при дворе. Он просит одного из павловских вельмож, светлейшего князя П.В. Лопухина (отца фаворитки Павла А. Лопухиной-Гагариной) принять «звание ходатая», чтобы «университетские кураторы в нужных случаях могли иметь прибежище и, получая от вашей светлости надлежащие наставления, единственно в вашей протекции со всем своим училищем состояли»³⁵.

Россия представляла собой доиндустриальное, традиционное общество, в котором сохранялась высокая значимость прединституциональных общественных связей, личного взаимодействия. В условиях изменений, бюрократизации структур покровители нуждались в ставленниках и доверенных лицах, оказывая, в свою очередь, услуги клиентам. И эта запутанная сеть патриархальных «теплых» (несущих на себе печать феодалных властных отношений) и новых «холодных» бюрократических контактов в Московском университете оказалась «фоном» действий университетской Конференции.

Собственно *протоколы* заседаний совета профессоров составили всего девять томов собрания рукописей из пятнадцати; остальные тома содержат ордера кураторов и переписку с ними университетской канцелярии

³³ Цит. по: Андреев А.Ю. Российские университеты... С. 270.

³⁴ Bourdieu P. Homo Academicus. Paris: Minuit, 1974; *Idem*. Outline of a theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977; *Idem*. The Logic of Practice. Cambridge, 1990; Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

³⁵ См. письма директора Московского университета И.П. Тургенева от 11 марта 1799 года и М.М. Хераскова от 17 марта 1799 года (Московский университет и князь П.В. Лопухин // Русская старина. 1904. Т. 117. С. 409–412).

рии, а также копии с документами сенатского архива³⁶. Кроме протоколов Конференции, в состав университетского архива входили так называемые протокольные бумаги – документы, которые рассматривала Конференция при решении различных вопросов, а также документы из архива университетской канцелярии – ордера (приказы по университету куратора и директора), рапорты куратору (директора, а иногда и ассессоров – в отсутствие последнего), а также прошения, заявления и пр. Изредка попадаются записки профессоров и преподавателей методического характера³⁷. Особый интерес представляет внутренняя переписка Конференции и канцелярии, которая обнаруживает разницу подходов этих двух разных структур управления и показывает, что переписку порождает именно желание чиновников контролировать учебно-научную сферу³⁸.

Протоколирование как практика

Практика ведения протоколов в России связана с явлениями Нового времени. Она возникает в первой четверти XVIII века в связи с проведением реформы государственного аппарата, была зафиксирована в качестве обязательного требования в Генеральном регламенте 1720 года и распространена на коллегии и Петербургскую Академию наук (академические протоколы сохранились за весь XVIII век и полностью опубликованы)³⁹. С помощью протоколов документировалась деятельность постоянно действующих коллегиальных органов, являясь и формой отчетности перед вышестоящими органами (в нашем случае их пред-

³⁶ Документы. Т. 1. С. 17. См. также характеристику материалов университетского архива, данную Н.А. Пенчко. (Там же. Т. 1. С. 16–19).

³⁷ Профессорская Конференция вынуждена была заниматься в том числе и вопросами методики преподавания в гимназии. Так, здесь можно найти выписку из протокола Конференции от 12 мая 1767 года, где подробно расписаны методы обучения иностранным языкам, в том числе латыни: грамматический разбор, диалоги, заучивание и пр. (Там же. Т. 3. С. 40).

³⁸ См. запрос канцелярии в Конференцию «по поводу господ Третьякова и Десницкого» (6 мая 1766 года) и ответ Конференции на запрос канцелярии (от 20 мая 1766 года) // Там же. Т. 3. С. 251, 253.

³⁹ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. Т. 1. СПб., 1897; Т. 2. СПб., 1899.

ставлял куратор). Это был инструмент дисциплинирования (или – самодисциплинирования⁴⁰).

Обратим внимание на то, когда, собственно, началось протоколирование работы университетской Конференции и как эта практика менялась.

В 1756 году состоялось 13 заседаний Конференции, и 14 документов за этот год являются ее первыми протоколами. Самые первые составлялись в отсутствие секретаря и, судя по почерку, как считает Н.А. Пенчко, писались на латыни профессором Дильтеем, представляя собой «по содержанию и по внешнему оформлению лаконичный перечень главных пунктов обсуждения, без подписи и без перечисления присутствующих членов»⁴¹.

Как явствует из «самокомментария» – надписи на заглавном листе книги протоколов Конференции 1756 года, они ведутся «для лучшего учреждения наук обсуждено и с общего согласия». Запись в протоколе 16 октября 1756 года сообщает, что Ученым советом «положено решать с общего согласия [общим голосованием]⁴² дела, касающиеся до лучшего учреждения наук... и на этом собрании рассуждали о публичных лекциях, которые должен [читать] каждый профессор, сколько часов и дней [в неделю], кроме того, об общих нуждах университета и гимназии, а в заключение постановили, что такие собрания будут происходить два раза в неделю»⁴³.

Протоколы раннего периода демонстрируют зависимость положения профессорской Конференции по отношению к куратору. Самые ранние, лапидарные записи Дильтея 1756 года очень часто являются перечнем пунктов прилагаемого в копии послания Конференции к Шувалову («Было утверждено письмо к превосходительному г. куратору» – с приложением

⁴⁰ Интересен феномен подражания этой практике, который можно наблюдать в околоуниверситетской среде: известно, что члены московского Дружеского литературного общества (1801 год), подражая обществам официальным, завели протоколы своих заседаний. Несколько молодых людей, «большую частью университетских воспитанников... переводили повести и драматические сочинения... пересаживали, как умели, на русскую почву цветы поэзии». В духе времени они вели протоколы своих заседаний и даже придумали себе некие «приватные мундиры» – «кафтаны одинакового покроя и цвета – голубые с золотыми петлицами» // *Тургенев А.И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826). М.; Л.: Наука, 1969. С. 118.

⁴¹ Документы. Т. 1. С. 24.

⁴² В квадратных скобках – комментарии публикатора.

⁴³ Там же. С. 27. Внеплановые собрания Конференции назывались экстраординарными.

копии письма⁴⁴) или кратким пересказом его ордеров к директору или сотрудникам канцелярии⁴⁵. Протоколов за 1757 год почти не сохранилось⁴⁶ (их восполняют в большом количестве ордера и «репорты» директора и ассессоров за этот период).

Когда, наконец, лакуны заканчиваются и появляются протоколы 1758 года, можно видеть существенные изменения: секретарем становится дворянин Б. Салтыков⁴⁷. Записи ведутся Салтыковым на французском языке и приобретают более развернутый характер. Работа секретаря, составляющего протоколы по итогам заседания – обязанности, между прочим, требующие определенного культурного уровня и включенности в процесс. Как увидим далее, в протокольных текстах отражалась личность каждого из секретарей. Впрочем, на форме и на сути протокольных записей отражался и процесс накопления делопроизводственного опыта Конференции в целом.

В 1757 году директором становится И.И. Мелиссино⁴⁸, с которым, видимо, связано появление определенных новшеств. Запись от 20 июня 1758 года гласит: «...г. директор приказал вести на конференции протокол, в котором следует отмечать отсутствующих членов каждого собрания и все, о чем там будут рассуждать и рапортовать его превосходительству»⁴⁹. Видно желание дисциплинировать членов Совета с помощью занесения информации в протокол: здесь начинают упоминаться необоснованные пропуски заседаний. Эти упоминания выдают некий скрытый конфликт внутри Конференции («г. проф. Поповский отсутствовал»; «Отсутствовали: г. проф. Поповский и г. проф. Фромман,

⁴⁴ Там же. С. 27, 28. Копии писем отсутствуют.

⁴⁵ Там же. С. 30, 33.

⁴⁶ За исключением двух кратких записей.

⁴⁷ Университет начинает пользоваться подготовленными кадрами: секретарем конференции стал Борис Салтыков, воспитанник гимназии первого набора, после окончания за успехи произведен в прапорщики и взят на представление Шувалову в Петербург (Там же. Т. 1. С. 109). Впоследствии, отправленный в Швейцарию, стал посредником Шувалова и Вольтера, вольнодумцем и писателем.

⁴⁸ Подбор кадров осуществлял сам Шувалов. Мелиссино прошел в университете все ступени – от ассессора канцелярии до директора (в 1757–1763 годах). При нем в университете была устроена больница с аптекой и открыта овержа. При кураторе Адодурове предпочел перевестись в Синод обер-прокурором, а через восемь лет вернулся в университет куратором. Мелиссино (вместе с Херасковым) стал инициатором основания Университетского Благородного пансиона при Московском университете.

⁴⁹ Там же. С. 111.

известивший о болезни» и пр.⁵⁰) и профессоров с куратором («Если только его превосходительство соблаговолит назвать по отдельности тех, кто подразумевается в его обвинении, таковые тотчас же удалятся со всею почтительностью и покорностью, с какой обязаны и всегда будут относиться к его повелениям»⁵¹).

Протоколы теперь уже не краткие тезисы, а развернутые тексты (с включением списков студентов, экзаменующихся и пр.). Не видно указаний на прилагаемые письма господину Куратору – развернутый протокол, кажется, заменил их (ведь «экстракт» отсылается в Петербург с нарочным). Изложение, которое ведет секретарь Салтыков, – это протоколирование обсуждаемых вопросов, но также и «удаленный диалог», прямое обращение к Шувалову. (Например, среди протокольных записей вдруг возникают такие обращения: «Согласно ордерам Вашего превосходительства г. Директор намеревался дать по 6 часов в день каждому учителю...»⁵²; «Если его превосходительству желательно, чтоб в Университете начали печататься периодические листы, то Конференция усиленно просит о присылке... сочинений»⁵³; или: «Конференция просит в. превосходительство прислать нам сто экземпляров французской грамматики»⁵⁴; и даже прямая речь (видимо, от лица директора): «Я прошу ваше превосходительство уведомить меня, вполне ли освобожден г. Поповский от всех обязанностей по моим представлениям»⁵⁵.)

Примечательно, что с уходом прапорщика Салтыкова и появлением другого секретаря, учителя Николая Билона⁵⁶, стиль «беседы» из протоколов исчезает, они укорачиваются, прямые обращения к куратору Шувалову меняются на косвенные («Так как в 5 часов [уже] темно, то г. куратора просят подтвердить, что занятия после обеда должны продолжаться только один час...»⁵⁷). Еще позднее, в 1765–1770 годах записи приобретают характер «утверждений»: «Постановлено»; «Рассуждали... решено, что...»; «(готовальни) должны быть закуплены...»; «профессо-

⁵⁰ Там же. С. 112, 115 и далее.

⁵¹ Там же. С. 154

⁵² Там же. С. 119.

⁵³ Там же. С. 113.

⁵⁴ Там же. С. 134.

⁵⁵ Там же. С. 143.

⁵⁶ Николай Билон (ум. 1765) – не позднее, чем с 1757 года, учитель, с 1759 года – лектор французского языка и словесности, автор неизданных учебников грамматики. Был секретарем с 1759 по 1764 год включительно.

⁵⁷ Там же. С. 275.

ра заявили, что для университета необходимо, чтобы вице-директор послал...»; «было повелено» (устроить диспут); «установлена необходимость» (преподавания этики)⁵⁸ и т.д. Тем не менее протоколы становятся все более объемными; порой они включают постановляющую часть вместе с достаточно развернутой аргументацией. Очевидно, что от искусственно конструируемых текстов они эволюционируют к стандарту и прагматике делопроизводства.

Господство и сопротивление

Напомним, что с 1759 г. протоколы оформлялись по-французски, без подписи секретаря, часто без перечисления присутствующих и без нумерации. Кураторов И.И. Шувалова и Ф.П. Веселовского, который в 1760 году был назначен в помощь Шувалову⁵⁹, людей светских и академически не образованных, вполне устраивала такая форма фиксации.

Но вот с 1762 года Веселовского сменил куратор В.Е. Адодуров, который способствовал удалению Шувалова, а в Конференции Московского университета установил довольно жёсткий порядок, ориентированный, вероятно, на порядки канцелярии Академии наук. Выпускник Академического университета, он, очевидно, руководствовался стилем, царившим в академических учебных заведениях.

Из-за несамостоятельности, привязанности этого университета к Академии его выпускники обычно проявляли предрасположенность к бюрократической опеке и приносили ее в свою практику, действуя и за пределами имперской столицы, в патриархальных ещё университетских городах (таких как Москва или Казань; ср., например, предрасположенность к бюрократической опеке С.Я. Румовского и И.Ф. Яковкина в Казанском университете)⁶⁰.

⁵⁸ Там же. Т. 3. С. 356, 359, 362 и т.д.

⁵⁹ Генерал-майор, он сменил на этом посту скончавшегося куратора Л. Блюментроста (тот недолго и лишь номинально был куратором). Веселовский до своего кураторства был дипломатом, он служил при различных дворах Европы и с воцарением Екатерины ушел в отставку «по собственному желанию».

⁶⁰ Ср.: «О службе попечителя в министерстве будут судить прежде всего по порядку и спокойствию во вверенных ему школах» // Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи. Казань, 2003. С. 80–86.

В.Е. Адодуров (в прошлом имевший «закалку» Славяно-греко-латинской академии и петербургского Академического университета, знаток латыни, работавший в Академии наук как переводчик) потребовал писать протоколы на латыни, что заставило ввести в секретарскую должность доктора юриспруденции и ординарного профессора Лангера⁶¹. Таким образом, с 1765 года протоколы велись только на латинском языке.

Тем же ордером от 3 февраля 1765 года куратор Адодуров, человек более «регулярный», чем Шувалов, навел порядок: приказал подписываться под протоколами директору и профессорам всем вместе, указывая «год, месяц, число и часы прибытия и выхода из Конференции»⁶². Его невнятно составленный ордер запутал членов Конференции – они истолковали приказание куратора, обращенное к *директору*, как адресованное к *Конференции*⁶³ и поначалу даже повиновались (включив в круг разбираемых проблем далекие от себя хозяйственные вопросы).

Любопытно, что профессора используют тексты протокола для «высказывания», как коллективную петицию, обращенную к куратору и призванную поднять статус решений профессорского Совета (4 мая 1765 года). Причиной было игнорирование В.Е. Адодуровым решений Конференции профессоров. Отзвуки этих событий проглядывают в записи: Конференция делается общим посмешищем, «если узнается (чего никак нельзя избежать), что сам председатель Конференции, его превосходительство г. куратор, считает неважным пренебрежительное отношение к приказанию Конференции»⁶⁴.

Очередной инцидент 1765/1766 года выявляет попытку Конференции отстоять свою «честь» – уже на внешнем уровне. Показателен конфликт с книгопродавцом Вевером: в присутствии профессоров он «всю Конференцию поносил грубейшими ругательствами..., говоря: «Нахалы в Конференции не должны мне ничего приказывать! Они мне не начальство! Пусть они сначала получают чины, а тогда командуют! Плевал я на всю Конференцию!». Профессор Эразмус, пожелавший, чтобы его мнение было внесено в протокол Конференции, на заседании коллегии профессоров объяснил истоки такого пренебрежения торговца: «Совещания го-

⁶¹ В отсутствие Лангера протоколы велись профессором медицинского факультета Керштенсом (Документы. Т. 2. С. 20.).

⁶² Там же. Т. 2. С. 39.

⁶³ «Принадлежащее... к денежному расходу, тако ж и о принимаемых в Университет вновь и на жалованье и на казенное содержание сообщать в университетскую канцелярию» (Там же. С. 48).

⁶⁴ Там же. С. 117.

спод профессоров в конференциях – ни к чему, и они становятся смешными», если господин куратор легко, на другой день отменяет, то, что постановила Конференция»⁶⁵.

Протоколы Конференции донесли до нас обрывки и более серьезного инцидента на внешнем уровне, так называемого «бунта профессоров» в мае 1764 года, связанного с очередным массовым «отзыванием» студентов из университета для государственных нужд (30 человек были затребованы в распоряжение Медицинской коллегии). Куратор Адодуров поначалу холодно воспринял протесты Конференции, подтвердив свое распоряжение в бесцеремонной форме (побывавший у него «офицер донес, что его превосходительством был повторен на словах тот же самый приказ об их отправлении»). Но директор и профессора продолжали настаивать; аргументом было то, что в случае выполнения распоряжения куратора университет не сможет выполнить свою миссию: «...провести производство в студенты» и подготовить их. То, что высшее начальство под напором профессорской корпорации изменило свое решение, – случай знаменательный⁶⁶.

Подобные эпизоды, на наш взгляд, важны не только для понимания особенностей становления университетских корпоративных норм. Мы видим, что университетская документация (протоколы заседаний) используется профессорами как форма «публикации» их высказываний и требований. Эти действия иллюстрируют на материале XVIII века идеи французского философа Мишеля де Серто о повседневных «стратегиях власти» и тактиках сопротивления им в регулировании той или иной ситуации⁶⁷. Оформление практики протоколирования заседаний университетской Конференции можно рассматривать как следствие адаптации бюрократического опыта и перекодирование его под корпоративные нужды. Следует учитывать и накапливаемый законотворческий опыт, который приобретала Конференция в 60-х годах XVIII века, обсуждая проекты студенческой присяги, проекта Устава (Регламента) и пр.

Отстаивание профессиональных интересов, осознание специфики своей деятельности, ответственность и самодостаточность – новые черты

⁶⁵ Документы. Т. 2. С. 310.

⁶⁶ Инцидент подробно рассмотрен в кн.: *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет. С. 111–115. Правда и то, что через два года студенты в количестве 21 были вновь затребованы – теперь для работы в Уложенной Комиссии.

⁶⁷ *Certeau M de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.

проявления автономного мышления перед бюрократической угрозой. Все эти обстоятельства формировали определенный баланс сил, отражавший слабость университетской автономии, но все же смягчавших властные проявления государственной политики в отношении университета.

Документы «снегиревского собрания» завершаются 1786 годом⁶⁸ (записи допожарного периода на этом обрываются).

Что же касается Протоколов – далее начинается совсем иной период «жизни», история «выпадения» из процесса, забвения и, наконец, возвращения в лоно «коллективной исторической памяти».

Разумеется, ведение делопроизводства сильно изменили начавшиеся александровские реформы. Указом Александра I 1804 года был принят Устав Московского университета и утверждены новые Правила для университета и подведомственных ему учреждений. В 1810 году с уходом А.К. Разумовского (бывшего попечителем в 1808–1810 годах), наблюдается новый тип «покровителя университета». Его воплотил П.И. Голенищев-Кутузов, который был куратором с 1798 года, а в 1803 году стал попечителем. Человек военный, пришедший во властные структуры благодаря политической конъюнктуре, в меру образованный, он мыслил себя единовластным распорядителем в Университете, трепетно относясь при этом к вышестоящему начальству. При этом, в отличие даже от А.К. Разумовского, он, как свидетельствует его переписка с корпорацией профессоров, проявлял деспотизм и нетерпимость к чужим мнениям и вообще мало считался с новым университетским уставом – основным достижением реформы университетской системы 1804 года, сулившей университету наивысшую степень самоуправления: по новому уставу и хозяйственная, и учебная жизнь Университета подчинялась решениям Правления, сменившего Конференцию.

Пара пегих лошадок

Как уже отмечалось, после пожара 1812 года от архива Московского университета уцелело всего пятнадцать шнуровых книг, содержащих про-

⁶⁸ Собственно протоколы Конференции доходят до 1770 года включительно; за 1786 год сохранились только сообщения Конференции в канцелярию, освещающие только некоторые срезы университетской жизни.

токолы Конференции Московского университета и копии ордеров кураторов за 1756–1770 и 1786 годы, которые иногда называют «снегиревским собранием».

История со спасением допожарного архива неоднократно описывалась⁶⁹. Показательны сами обстоятельства, сопровождающие процесс «спасения» документов университетского архива в условиях экстренной эвакуации Университета в тяжелые дни 1812 года, когда Наполеон приблизился к Москве (а экстремальные условия всегда выявляют ситуацию). Прежде всего, знаменательна позиция П.И. Голенищева-Кутузова, относившегося к «бюрократическому» типу попечителя. Оказывая грубый нажим на профессоров, попечитель потребовал незамедлительной передачи ему денег из университетской казны «для некоторого особого, известного ему употребления» без решения Правления. Он мыслил себя непосредственным начальником над всеми членами университета и желал безусловного выполнения всех его личных распоряжений. Просьбу ректора И.А. Гейма действовать в соответствии с правилами он воспринял как бунт «дерзкого подчиненного». Переговоры попечителя с правлением (и с ректором Геймом, как главы последнего) показали, насколько беспомощной оказалась корпорация (получившая по Уставу 1804 года права самоуправления во всех сферах) перед напором Кутузова, который настоял на своем, игнорируя при этом необходимость подготовки грядущей эвакуации университета⁷⁰.

Когда под Москвой уже отгремело (26 августа) Бородинское сражение, университет все еще был в неопределенности: неясно было, состоится ли эвакуация, и, если все же предстоит двигаться, то когда, куда и, главное, как: лошади представляли дефицит, и можно было рассчитывать только на городское руководство. Только 29 августа попечителем было получено распоряжение Ростопчина отправить университет в Нижний Новгород, но на следующий день вместо затребованных в свое время Правлением 200 подвод были присланы только 52: «...генерал-губернатор

⁶⁹ Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году. СПб., 1912; *Эйнгори В.О.* Московский университет. Губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 году. М., 1912. Вып. 1–2; *Любавский М.К.* Московский университет в 1812. М.: Издание ИОИДР при Московском университете, 1913; *Андреев А.Ю.* 1812 год в истории Московского университета. М.: Издательство Московского университета, 1998.

⁷⁰ *Андреев А.Ю.* 1812 год в истории Московского университета. С. 49–51.

Москвы забыл про университет»⁷¹. Усилиями ректора И.А. Гейма⁷², который взял на себя всю ответственность за эвакуацию, происходила спешная упаковка того, что было возможно увезти (паковались ценности кабинетов и музеев, церковная утварь; ящики со столовым серебром гимназии и Благородного пансиона; приборы и хирургические инструменты). И только лишь три подводы удалось выделить под архив Совета, Правления и ценную часть библиотеки⁷³. Это, как увидим, и решило судьбу Протоколов.

На следующее же утро, 31 августа, не заботясь об оставленном казенном имуществе и людях, спешно покинул Москву попечитель Голенищев-Кутузов, а 1 сентября, вторым обозом, на 30 подводах ректор Гейм увез остатки университетской казны и остававшихся с ним казеннокоштных студентов и гимназистов⁷⁴.

Дефицит транспортных средств заставил профессоров, занимавшихся отправкой, оставить и свое собственное имущество – в тайниках университетских домов. Так, И.А. Гейм спрятал библиотеку и ценные бумаги в подвале ректорского домика, а профессор М.М. Снегирев «все, для него дорогое свез в кладовую... Благородного пансиона». Ходили слухи, что, войдя в Москву, цивилизованные французы не тронут казенных мест⁷⁵.

Судя по поэтажным комментариям М.М. Казакова на окончательном варианте чертежа главного здания университета на Моховой, помещения канцелярии с кладовыми для денежной казны и *архива* располагались в торце правого крыла на втором этаже, куда вел вход со двора с угла⁷⁶. Упаковка университетского архива проходила без плана, в спешке; отдавал ли распоряжения на этот счет попечитель, мы не знаем. Можно только предположить, что при погрузке на имеющиеся три подводы предпочтение было отдано «актуальной» части архива, ведь после образования Министерства народного просвещения и университетской реформы 1804 года не только изменилась вся система отчетности, но и происходила

⁷¹ Там же. С. 57.

⁷² См. о нем: *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. В 4 кн. Кн. 2. Ч. 1. Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия 19 века. М.: ГИМ, 1998. С. 36–38.

⁷³ *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 50.

⁷⁴ Там же. С. 49–50.

⁷⁵ Воспоминания И.М. Снегирева. С. 541–542.

⁷⁶ ГНИМА. Казаковские альбомы. Альбом № 5. Л. 6–11.

унификация и оптимизация довольно неуклюжего делопроизводства предшествующего столетия, упрощение языка канцелярских документов и вводились более строгие критерии сохранения официальных бумаг⁷⁷.

Пятнадцать шнуровых книг в кожаных переплетах прошлого века могли показаться излишним грузом. Их почему-то даже не спрятали с другими книгами в замурованном полуподвале главного здания⁷⁸ – документы как брошенное имущество погрузил на свои, семейные подводы человек, который по роду службы имел отношение к архиву – архивариус Совета университета младший Снегирев, сын профессора университета М.М. Снегирева Иван, выпускник университета, в 1810 году произведенный в кандидаты⁷⁹. Этот свой шаг позднее он зафиксировал в мемуарах: «Занимая должность архивариуса совета, я успел сохранить протоколы первых годов университета»⁸⁰. Семейство Снегиревых во главе с отцом собиралось отправиться в Александров, спешно собираясь в дорогу: «У нас была кибитка и парочка пегих лошадок. Вот весь дорожный экипаж, в котором должно было выехать ему с матушкою, со мною и с племянницей». Пришлось прикупить еще одну лошадь – «Кучер был крепостной, свой... Надобно кое-что и с собою взять для дороги». Иван Снегирев «вместе с... домашними зарыл в саду шкаф с книгами, в футляре свою скрипку и еще кое-что»⁸¹, но не Протоколы. И это было большой удачей, потому что спрятанное было впоследствии разграблено. Можно предполагать, что университетский архив расценивался юным архивариусом как нечто сверхценное. И это не случайно: его жизнь, воспоминания детства и семейные предания были связаны с Московским университетом, московской стариной.

⁷⁷ Вишленкова Е., Галиуллина Р., Ильина К. Указ. соч. С. 247.

⁷⁸ Сорокин В.В. История библиотеки Московского университета. 1800–1917 гг. М.: Издательство Московского университета, 1980. С. 15.

⁷⁹ Иван Михайлович Снегирев (1792–1868) в 1815 году получил степень магистра словесных наук и в следующем году стал преподавателем по кафедре римской словесности и древностей при Московском университете, с 1826 года экстраординарным профессором по кафедре латинского языка, затем ординарным и оставался им до 1836 года. В это время он преподавал также русскую словесность в гимназии Московского воспитательного дома (1817–1827). С 1828 года был назначен цензором.

⁸⁰ Воспоминания И.М. Снегирева // Русский архив. 1866. С. 541 (Запись «Воспоминаний» относится к 1825 году, они изданы после смерти автора А. Ивановским).

⁸¹ Там же.

Хранитель университетской памяти

Университетский городок на Моховой был сожжен и разорен, сгорело здание, погибли архив и библиотека. Как только Москва была освобождена, была образована временная комиссия для управления текущими делами университета, членами которой стали четыре старейших профессора (в их числе и Снегирев-старший). Но прошло 43 года, прежде чем Протоколы вернулись в университет. Почему же Иван Михайлович медлил с их возвращением?

Об этом можно высказать лишь предположения. Только в октябре 1818 года университет из наемных помещений перебрался в собственное возобновленное здание, и не ранее октября 1820 года началась работа по воссозданию утраченной библиотеки университета. Известно, что Иван Снегирев был одним из тех, кто тогда передал библиотеке часть своего собрания, в том числе редкие издания университетских «Речей» и диссертаций⁸². Но и тогда он не отдал Протоколы. Возможно, потому, что в тот период в университете в целом и в библиотеке еще не было должного порядка⁸³.

Осознавал ли И.М. Снегирев ценность документов, которыми владел? Отношение к архиву можно предположительно объяснить, исходя из его психологии: скорее всего, он уже рассматривал книги как свое, спасенное им достояние; они были для него, человека из университетской семьи, частью *семейной* памяти, которая была неотделима от университетской. «Всякий раз, как прохожу мимо старого нашего университета (а я смотрю на него без малого шестьдесят лет, от детства до старости), – писал он впоследствии, – всякий раз пробуждаются близкие сердцу моему воспоминания и чувствования: здесь были первые мои учителя и товарищи моих детских лет, но где они? Здесь развивались мои понятия, здесь душа моя принимала первые впечатления от окружавших меня, и они остались на всю жизнь; здесь я учился, учил и служил. К университету обращаюсь с таким же чувством, с каким обращался к своей колыбели»⁸⁴.

«Сентименталистская» чувствительность в российском обществе той эпохи являла собой сильнейшее общественное начало (ставшее, кстати,

⁸² Сорокин В.В. Указ. соч. С. 25.

⁸³ Специалисты считают, что только профессор Ф.Ф. Рейсс, назначенный библиотекарем, наладил работу, систематизировал и каталогизировал собрание (Там же. С. 27).

⁸⁴ Воспоминания И.М. Снегирева. С. 735–760.

одной из движущих сил в войне с Наполеоном). Герой сентименталистов, “чувствительный человек”, воплощал в себе гуманистический идеал своей эпохи⁸⁵. Для людей такого склада просветительский идеал братства воплощался в самом *университете* как сообществе (идеал, замешанный на масонской антропологии, господствовавшей в университетских кругах во времена Н.И. Новикова и позднее воспроизводящейся в Благородном Пансионе). Кажется, именно этой настрой и эти качества воплощал И.М. Снегирев, сохраняя у себя дома в виде Протоколов саму «университетскую историю». Здесь мы сталкиваемся с таким явлением, как историческая память, которая сохраняет и «воспроизводит» прошлое на основе воображения, вненаучных знаний и массовых представлений, порожденных живыми чувствами и ощущениями, связанными с настоящим⁸⁶. И к этой проблеме мы еще вернемся.

Мы знаем, что именно по инициативе профессоров И.М. Снегирёва и И.И. Давыдова в 1819 году был начат сбор материалов по истории «допожарного» университета, шла подготовка издания «Речи, произнесённые в торжественных собраниях Московского университета русскими профессорами и краткие их жизнеописания» в 4-х томах (завершено в 1823 году). Однако, занятый другими направлениями деятельности⁸⁷, только в 1830-е годы И.М. Снегирев начинает создавать тексты, связанные с историей университета и использовать тексты университетского архива в своих публикациях. Это, прежде всего, его речь на латыни, произнесенная в торжественном юбилейном собрании 1830 года⁸⁸, а затем

⁸⁵ Датировка начального и завершающего этапов сентиментализма как литературного течения колеблется от 1760–1770-х до 1810-х годов. *Кочеткова Н.Д.* Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы. В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Л.: Наука, 1980–1983. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. 1980. С. 726–764.

⁸⁶ *Ретина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42.

⁸⁷ В 1827 году он был избран в члены МОИДР и семь лет был его секретарем. С начала 20-х годов интересы Снегирева были направлены в область русской этнографии (которая в то время как наука не существовала), лубка, русской иконописи и, наконец, изучения подмосковных и московских древностей (он составил историко-археологическое описание почти всех московских и подмосковных монастырей и церквей). В 1854 году был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

⁸⁸ *De origine, statu et incrementis Cesareae universitatis Mosquensis... ab anno 1754 ad 1762* // Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании имп. Московского университета. Июня 26 дня 1830 года. М., Университетская типография, 1830. С. 39–70 (сокр. перев. см.: Ученые записки Московского университета. 1834. Май. С. 330–364).

пространная статья «Действия Московского университета в первом периоде его существования» (1834)⁸⁹, в которой кратко, но в тех же приподнятых тонах охарактеризованы основные этапы и события университетского становления. В 1847 году выходят его же небольшие статьи в московской ежедневной газете⁹⁰, где есть несколько ссылок на «протоколы Конференции»; такие же ссылки содержатся и в небольших газетных статьях его хорошего знакомого – профессора Д.М. Перевощикова⁹¹. Ясно, что материалы Протоколов постепенно становятся достоянием университетской общественности.

И.М. Снегирев воспроизвел в своей судьбе уже уходящий тип профессора. К тому же с 1824 года (и по 1855) он становится цензором Московского цензурного комитета – достаточно умеренным (через его руки прошли в печать «Евгений Онегин» и «Мёртвые души»), но представляющим в глазах молодежи «душителей идей». Вспомним, что это время – так называемое мрачное семилетие (1848–1855) – заключительный период царствования Николая I, проходивший под знаком противостояния европейской революции 1848–1849 гг. Неудовольствие императора вызвала даже выдержанная в «уваровском» духе статья И.И. Давыдова (в прошлом декана Московского университета) «О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании» (1849). Государь не одобрял, что «частное лицо принимает на себя разбирать сравнительную пользу учреждений государственных, каковы университеты и другие учебные заведения»⁹².

Постепенно в либеральных околоуниверситетских кругах (группа «западников», сплотившаяся вокруг Т.Н. Грановского) складывалось отрицательное отношение к Снегиреву («совестдрал» – такое прозвище дал ему В.Г. Белинский). И, разумеется, гораздо более он близок к другому

⁸⁹ *Снегирев И.М.* Действия Московского университета в первом периоде его существования // Ученые записки Императорского Московского университета. История просвещения. М., 1834. Ч. 4. С. 330–364.

⁹⁰ *Снегирев И.М.* Черты истории императорского Московского университета (первое десятилетие) // Московский городской листок. 17, 18 января 1847 года; *Он же.* Публичные лекции в Московском университете с 1805 года. Московский городской листок. 25 января 1847 года.

⁹¹ *Перевощиков Д.* Черты из истории императорского Московского университета // Московский городской листок. 1847. № 14–16.

⁹² Цит. по: *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 35.

лагерю – славянофилам круга С.П. Шевырева и М.П. Погодина⁹³. Видимо, поэтому «снегиревское собрание» еще до юбилея стало доступно для заблаговременного составления «официальной» истории, которую к 100-летию юбилею университета готовил С.П. Шевырев.

Юбилей 1855 года

Торжественное празднование юбилея университета, начавшееся 25 января 1855 года, было украшено поднесением даров Московскому университету: было подарено много допожарных раритетов, и одним из таких стало 15-томное «снегиревское собрание». Кроме этого, Снегирев передал в библиотеку университета семь томов собраний «рассуждений», речей профессоров и печатные каталоги⁹⁴.

При подготовке к юбилею был создан большой рабочий коллектив под руководством декана историко-филологического факультета С.П. Шевырева. Фундаментальная «История Императорского Московского университета»⁹⁵ – первый опыт сбора и сопоставления источников, прагматичного выстраивания череды мероприятий, изложение событий и законодательных актов по истории университета за сто лет (активно использовались материалы из Протоколов университетской конференции – Шевырев неоднократно ссылается на них в примечаниях).

Кроме того, под руководством того же Шевырева (и при участии студентов и сотрудников университета) был подготовлен биографический

⁹³ Среда, в которой формировался И.М. Снегирев, и его семья были тесно связаны с «книжным» духовенством (митрополит Платон (Левшин), был нередким почетным гостем дома старшего Снегирева). См.: *Рогова Н.Б.* М.М. Снегирев и И.М. Снегирев – профессора Московского университета // *Философский век. Альманах 28. История университетского образования в России и международные традиции Просвещения.* СПб., 2005.

⁹⁴ Впрочем, подарив Протоколы университету, Снегирев не снискал себе особенной славы (вскоре после юбилея, 15 февраля 1855 года, он был отстранен от должности за показавшуюся излишне «революционной» публикацию из университетской истории – опубликованный в «Московских ведомостях» к юбилею «Очерк истории типографии Московского университета», где рассказывалось, в частности, об издательской деятельности Н.И. Новикова).

⁹⁵ Первое изд. – М., 1855; репринтное издание с предисловием и именованным указателем – М., 1998.

словарь университетских профессоров⁹⁶ (а также и первый том, посвященный «питомцам»⁹⁷ Московского университета). Для воссоздания биографий деятелей XVIII в. привлекались Протоколы, но, конечно, не только они⁹⁸.

Эти издания стали непреходящей ценностью. По мнению авторитетного специалиста по университетской истории Ф.А. Петрова, Шевырев имеет «в настоящее время никем не оспариваемые заслуги... в изучении истории Московского университета»⁹⁹. Однако в данном случае мы хотим подчеркнуть: Шевырев мыслил публикацию своих трудов и как общественно значимый поступок, как высказывание – симметричный ответ популярности публичного курса главы «западников» Т.Н. Грановского, который, привлекая толпы слушателей, предлагал им свое видение путей развития страны¹⁰⁰. Видение же истории России и ее специфики Шевыревым, как известно, многими отождествлялось с «официальной народностью», которой противостояла молодая профессура, гегельянцы, сплотившиеся в университете вокруг Грановского. Работая же над историей университета, Шевырев стремился указать на просвещенческий (утопический в целом) идеал, на положительные примеры прошлого, университетское сообщество сотрудников (и здесь фигура Шувалова была опорной).

В анализе исторического прошлого университета Шевырев весьма антропологичен, внимателен к «университетскому человеку». Опираясь

⁹⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день Столетнего Юбилея января 12-го 1855 года. В 2-х т. М., 1855.

⁹⁷ Биографический словарь питомцев Московского университета. Т. 1. М., 1855 (следующие тома не выходили).

⁹⁸ Словарь был составлен на основании послужных списков, сохранившихся в университетском архиве, «Речей, произнесенных в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их биографиями» и каталогов лекций из университетского архива и библиотеки, из архива И.М. Снегирева, П.И. Страхова, А.Д. Черткова, «Истории медицины в России» В.М. Рихтера и газеты «Московские ведомости». Сведения о профессорах первой половины XIX века были, по сути, их автобиографиями (*Еришов А.Г.* Влияние Московского университета на развитие государственной системы образования в России, 1755 – середина XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.)

⁹⁹ *Петров Ф.А.* С.П. Шевырев первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999. С. 41.

¹⁰⁰ С.П. Шевырев подготовил и читал свой курс истории русской словесности (новаторский в своем роде и также привлекавший слушателей), в котором сформулировал свое отношение к культурному наследию.

на источники (в том числе и на информацию, извлеченную из Протоколов), он ставит в «Истории» такие проблемы, как специфика психологии студентов-дворян и разночинцев, трудности, возникающие на пути становления университета, связанные со средой; яркими и точными мазками рисует портреты отдельных личностей. Не упускает он и той сферы, которая сегодня называется историей повседневности (описывая домашний и учебный быт студентов). С известной ностальгией излагает Шевырев описание посвящений в студенты, университетских актов и ритуалов – радостных и печальных, визиты в университет высоких гостей и меценатов, и т.д.

Перед нами – типично романтический подход к истории социальной общности с установкой на «преображение прошлого» и историзм¹⁰¹. «Романтики, обращая внимание на исторические корни и преемственность, отличались тем, что акцентировали *развитие*, становление»¹⁰². Шевырев впервые показал развитие университета как особой корпорации, «живого организма». Основными методами такого («интуитивистского») способа конструирования прошлой социальной реальности в романтической историографии современные исследователи называют вчувствование и воображение, интерес и доверие к документам, создание колорита эпохи, построение исторического нарратива с использованием риторических приемов¹⁰³, то есть как раз то, что мы видим у Шевырева.

Итак, можно говорить о романтизированном «образе прошлого», который создавал, тщательно работая с источниками, С.П. Шевырев. А ведь «образ прошлого конструируется интенциями настоящего и будущего – прагматическими потребностями и проектом будущего»¹⁰⁴.

Сам юбилей 1855 года был задуман как консолидирующее торжественное действие – совершенно в университетских традициях XVIII века, осененное тем же патерналистским духом: «Наши университеты – дар любви Монархов наших к русскому народу, плод их пламенного желания, их неусыпной заботы просветить Отечество Науками»¹⁰⁵. Этими словами в Татьянин день, в ампирном актовом зале постройки Казакова-

¹⁰¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. В 2 т. Т. 2. Образы прошлого. С. 507.

¹⁰² Там же. С. 512.

¹⁰³ Там же. С. 510.

¹⁰⁴ Хальбвакс М. Указ. соч. С. 8.

¹⁰⁵ Из речи С.П. Шевырева «Обозрение 100-летнего существования Императорского Московского университета», произнесенной им 12 января 1855 года // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». 2002. № 1. С. 154.

Жилярди открылось торжественное заседание под председательством министра А.С. Норова. В своей речи (как и в своей «Истории») Шевырев напоминал и обстоятельства рождения актового зала, и подвиги профессоров века Просвещения, которые провозглашали науку как «святое дело». Культовые фигуры, значимые места, связанные с ними воспоминания и ритуалы – это действенные способы развития исторической памяти. Не случайно исследователи отмечают, что в празднествах России гораздо более, чем в аналогичных торжествах в Европе, сохраняется *сакральный* элемент, характерный для традиционной культуры. Светские торжества замещают здесь обрядовые формы либо смешиваются с ними, приобретая новый вид и новый смысл¹⁰⁶.

Итак, готовя свои печатные труды к юбилею, Шевырев хотел сделать (и сделал) проговаривание истории университета инструментом коллективной памяти, фактором консолидации в настоящем, а сами торжества – моментом и способом возвышения казавшихся ему незбылемыми университетских ценностей. Другое дело, что большая часть университетской молодежи и «западников» не разделяла этих форм празднований – им претил официальный характер юбилейных торжеств в условиях политической реакции и неудач Крымской войны. В шевыревской «Истории» ее раздражала свойственная этому труду высокая риторика и сама логика изложения – по царствованиям, а внутри – в соответствии со сменой кураторов и попечителей; наконец, значительная степень идеализации властных фигур (особенно последнего правления). Торжественные стихи Шевырева в адрес попечителя Московского учебного округа В.И. Назимова дали Б.Н. Чичерину реальный повод обвинить его в сервиллизме¹⁰⁷.

Впрочем, можно усмотреть более глубинные истоки поведения и концепции Шевырева-историка, обусловленные моментом. Описывая своеобразие Московского университета, Шевырев (как и все истинные славянофилы) интуитивно искал объяснения российской цивилизационной специфики, в конечном счете воплощавшей компромисс между «верой и знанием». Сама эпоха спровоцировала эти метания части российских интеллектуалов между западничеством и почвенничеством полюсами, кризис идентичности, порожденный трагизмом «невписанности в мировую гармонию», «обидой» на историю, казалось, обрекавшую россиянина на

¹⁰⁶ *Сиповская Н.В.* Праздник в русской культуре XVIII века // Развлекательная культура России XVIII–XIX веков. Очерки истории и теории. СПб., 2000 С. 36.

¹⁰⁷ *Чичерин Б.И.* Москва сороковых годов. М.: Издательство Московского университета, 1997. С. 53.

неполноту включенности в мир западной культуры и, одновременно, на разрыв с традициями и ценностями допетровской Руси¹⁰⁸.

Погребенные от публики

Итак, юбилей 1855 года сделал «снегиревские» документы фактом публичного дискурса. Однако молодой критик Н.Г. Чернышевский (а он как раз готовился к защите в университете своей диссертации) в своей критико-библиографической статье по случаю юбилея выразил сожаление, что университетские архивные материалы остаются «погребенными от большинства не только публики, но и ученых исследователей» (и упомянул 15-томный архив как самый ценный ресурс)¹⁰⁹.

Чернышевский как в воду глядел. Неопубликованные документы оставались «погребенными» и далее. Скрупулезность проделанной Шевыревым работы была оценена по достоинству историками-профессионалами: отныне и надолго его «История» заменила для исследователей оригинальные тексты рукописей. На труд Шевырева стали ссылаться все, кто обращался к истории университета XVIII века.

Во второй половине XIX в. выходило немало работ, касавшихся истории Московского университета – по большей части в свете институциональной истории российской системы народного просвещения¹¹⁰, в рамках идеологии консерватизма («в его широкой охранительной трактовке (с такими ценностями, как закон, порядок, баланс, умеренность, преемственность)»)¹¹¹.

В «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева¹¹² присутствует подробный очерк истории университета (описания деятельности основателей, кураторов, профессоров и сотрудников), но ссылок на до-

¹⁰⁸ Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. С. 20; см. также: Шемякина О.Д. Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 22.

¹⁰⁹ Современник. 1855. № 4. Отд. Библиография. С. 26–27.

¹¹⁰ Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование Александра I. СПб., 1865; Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общего образования // Вестник Европы. 1876; Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII веке до 1782 года. СПб., 1883 и др.

¹¹¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч.

¹¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 6–7.

кументы нет. В исследованиях С.В. Рождественского, труды которого всегда отличались обращением к первоисточникам, используются тексты С.П. Шевырева¹¹³.

Позднее, по мере выявления и обострения «университетского вопроса» в сфере общественной мысли второй половины XIX – начала XX века университетская история привлекает все большее внимание историков интенсивно развивающегося либерального направления. В работах В.И. Вернадского, Н.И. Кареева, А.А. Кизеветтера, М.М. Ковалевского, А.С. Лаппо-Данилевского, В.Е. Якушкина и других российский университет исследуется в лоне общеевропейской интеллектуальной традиции, с точки зрения развития знания, науки, «цивилизации». Хотя П.Н. Милюков, одним из первых обратившийся к ментальной сфере образованных россиян второй половины XVIII в., показал, как в образовании происходило накопление разнородного культурного капитала, к сожалению, университет он рассмотрел слишком бегло¹¹⁴. М.К. Любавский в своей работе «Московский университет в 1812 году» дал очерк допоздней жизни университета, «нашествия» и «спасения» Протоколов. Он значительно расширил источниковую базу, привлек не только опубликованные тексты, но и неиспользованные ранее университетские архивные материалы, связанные с повседневной сферой¹¹⁵, но также воспользовался не оригиналами Протоколов, а данными «Истории» Шевырева и «Биографического словаря»¹¹⁶.

«Дипломированные лакеи» и «сиятельные бездельники»

В советский период власть прошла путь от полного неприятия и изгнания ученых до приоритетного внимания к науке и образованию.

¹¹³ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902; *Он же.* Очерки по истории системы народного просвещения в России в XVIII веке. Т. 1. СПб., 1912.

¹¹⁴ *Милюков П.Н.* Очерки русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2 (Искусство. Школа. Просвещение). М., 1992; Т. 3 (Национализм и европеизм). М., 1995.

¹¹⁵ Планы университетских владений, купчие на дома и участки университетского городка конца XVIII – начала XIX века, архивные дела Правления и Попечительской канцелярии университета 1813 года и более поздних лет.

¹¹⁶ *Любавский М.К.* Московский университет в 1812. М.: Издание ИОИДР при Московском университете, 1913.

К концу 1930-х годов была уже осознана необходимость научного управления социальными и экономическими преобразованиями. Изменилось отношение к университетам, а значит и к университетской истории. В 1940 году появились «Очерки по истории Московского университета», коллективный труд¹¹⁷, рассматривавший университет XVIII века сугубо с позиций классового подхода – как полезный инструмент, находившийся в руках господствующего класса, дворянства¹¹⁸.

Тем временем, пережив революционные события и гражданскую войну, университетский архив XVIII века продолжал храниться в Научной библиотеке МГУ на Моховой. Новые испытания постигли «снегиревское собрание» с началом Великой Отечественной войны: воздушные бомбардировки (здание библиотеки сильно пострадало от бомбежки) и эвакуация в далекую Туркмению (вероятно, Протоколы были отправлены в Ашхабад – старейший сотрудник библиотеки В.В. Сорокин вспоминал о том, как он изготавливал упаковочные ящики для эвакуации редких книг и рукописей¹¹⁹).

Складывание новой концепции истории университета в послевоенный период было связано с изменением отношения к роли науки в советском обществе в целом: из инструмента выполнения партийных программ она превращалась в могучее средство «холодной войны»¹²⁰. (Показательны возникновение сталинского проекта конца 1940-х годов по введению персональных званий и «мундиров» для работников высшего образования; строительство нового комплекса зданий МГУ на Воробьевых горах, некоторая романтизация образа ученого, которая сказалась на

¹¹⁷ Очерки по истории Московского университета // Учёные записки МГУ. Юбилейная серия. Вып. 1. М., 1940.

¹¹⁸ Интересно, что в этом издании, как и в других довоенных работах, образ профессора-иностранца нисколько не дискриминируется по сравнению с отечественными кадрами (См.: *Кулиц Е.В.* Иностранцы профессора в штате Московского университета в первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. Раздел «Историография»).

¹¹⁹ *Ремарчук В.В.* Неутомимый старатель в дебрях университетской истории. 2005 (Сентябрь). № 31 (4136) (<http://getmedia.msu.ru/newspaper/newspaper/4136/all/dialog.htm>).

¹²⁰ Планировалась также форма для студентов вузов – как попытка возрождения до-революционных традиций (*Илизаров С.С., Жидкова А.А.* Мундиры для советской профессуры (нереализованный проект 1949 года) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 2. С. 102–114. Проект не был осуществлен, но в течение 1947–1953 годов персональные звания и форменная одежда были на некоторое время все же введены для некоторых гражданских министерств и ведомств СССР).

появлении положительных его образов в послевоенном кино и литературе.)

В этой обстановке с начала 1950-х годов начинается подготовка к грядущему 200-летию юбилею Московского университета. В числе некоторых других в 1953 году вышла небольшая работа Н.А. Пенчко¹²¹, и это было первое из отечественных исследований (после изданий 1855 года), в котором использовались документы университетского архива XVIII века, ставшие здесь одним из базовых источников.

Нина Александровна Пенчко, дочь земского врача, сотрудница библиотеки МГУ, по воспоминаниям В.В. Сорокина, заинтересовалась Протоколами еще в бытность в эвакуации, а в 1950 году ею уже был прочитан доклад на эту тему на Ломоносовских чтениях МГУ. Ее фундаментальная еще дореволюционная подготовка (золотая медаль гимназии, Московские Высшие женские курсы, свободное владение четырьмя иностранными языками – немецким, французским, итальянским и латынью – и опыт работы переводчицей, редактором, библиотекарем¹²²) позволили ей успешно исследовать (и затем издать) сложный комплекс источников. (Напомним, что материал 15-ти томов не был ни разобран, ни атрибутирован, а тексты на иностранных языках не переведены). Изучение и научная публикация Протоколов впоследствии стали делом жизни Н.А. Пенчко¹²³ (хотя не менее активно она продолжала заниматься переводами с итальянского текстов эпохи Возрождения¹²⁴).

В достаточно кратком (менее 150 страниц малого формата) очерке под названием «Основание Московского университета» (1953), напечатанном в мягком переплете на желтоватой, практически газетной бумаге, Пенчко впервые после С.П. Шевырева изложила историю становления

¹²¹ Пенчко Н.А. Основание Московского университета. М.: Издательство Московского университета, 1953 (тираж 4000 экземпляров).

¹²² Ремарчук В.В. Указ. соч.

¹²³ Тридцать лет Н.А. Пенчко отдала библиотеке МГУ, уйдя на пенсию в 1965 году с должности главного библиотекаря Отдела редких книг и рукописей, но продолжала научную работу «на общественных началах».

¹²⁴ См., например: Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на западном Кавказе в 13–15 веках. М., 1933; Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях северного Причерноморья в XV веке // Исторические записки. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940; Пенчко Н.А. Физический кабинет в XVIII веке // Иван Филиппович Усагин: сб. статей. М.: МГУ, 1959; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, Эльбрус, 1974 (перев. Н.А. Пенчко сочинения Джорджио Интериано, путешественника эпохи итальянского Возрождения) и др.

Московского университета, опираясь на массив исторических источников, в большой мере архивных, в том числе и на рукописные материалы «снегиревского собрания»¹²⁵.

Коротко, но обстоятельно рассмотрены различные срезы университетской жизни: предпосылки создания университета (существование Академии наук и «школа крепостнической эпохи»); проект об учреждении (и выходящая на первый план роль Ломоносова), организация управления (исследуются особенности функций куратора, директора, ассессоров; роль «профессорского собрания»), состав и социальное (демократическое, в первую очередь) происхождение студентов; открытие гимназии и система обучения. Важное место отведено истории университетской науки. Пенчко пишет: «Если мы обратимся к “Истории” Шевырева, то не найдем об этом буквально ни одной строки»¹²⁶. Это не совсем верно, Шевырев писал о создании коллекций и кабинетов, но вот наука в его времена не представлялась такой мощной силой. К тому же у Шевырева не было необходимости отстаивать приоритеты русской науки перед иностранной. В приложениях к своей книге Пенчко опубликовала важнейшие документы, которые до этого были известны только по дореволюционным изданиям или не публиковались вовсе (Письмо М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову по поводу учреждения Московского университета, Проект о его учреждении, Штат Московского университета и гимназий, Инструкция директору и пр.).

Впечатление от работы Пенчко складывается противоречивое. Автор демонстрирует владение материалом и добросовестность источниковедческого анализа (показательно, что сама Пенчко выдвигает задачей «обобщить материал, проливающий свет на организационный период в истории Московского университета»; этим объясняется и «обилие цитируемых архивных документов»¹²⁷). Однако тщательно собранные источники оказываются «развернуты» исключительно в идеологически «правильном» направлении. Присутствуют марксистские стратегии конструирования прошлого – склонность к социологизированию, внимание к протестным движениям, положению народных масс и пр.¹²⁸ (хотя, заметим, это позволило выявить источники по структуре корпуса учащихся, груп-

¹²⁵ Это видно по ссылкам (с. 103, 133 и т.д.).

¹²⁶ Пенчко Н.А. Основание. С. 100.

¹²⁷ Там же. С. 8–9.

¹²⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч. С. 327–331.

пировкам внутри Конференции, экономической стороне деятельности куратора).

Одной из главных нитей повествования является отстаивание первенствующей роли Ломоносова (роль которого действительно оказалась в традиции XIX века в тени по сравнению с Шуваловым) и борьба идущего от М.В. Ломоносова «демократического начала» за допуск разночинцев и крестьян в университет (что действительно имело место). Желание доказать, что «Московский университет, получивший реальную помощь от Петербургской академии, был создан на базе отечественной науки»¹²⁹, помимо выявления реальных достижений, заставляет автора искать врагов в лице корыстных иностранцев и «сиятельных» крепостников. Эта новая (в сравнении с довоенной) установка относительно враждебности иноземных профессоров явилась отголоском официально объявленной борьбы с «буржуазным космополитизмом». Ломоносов, Аргамаков, Поповский как выдающиеся личности (и совершенно новые социальные типы) рассматриваются главным образом применительно к эпизодам борьбы со злой иностранщиной и крепостниками. Качественная работа Пенчко-источниковеда несет на себе тяжелую печать времени в виде терминологии, перекочевавшей сюда из партийной печати: «немецкие Катковы» (об иностранных профессорах Шадене, Рейхеле, Дильтее); «дипломированные лакеи» (ссылка на выражение Ленина); «реакционные направления в Конференции», «поповщина» и т.п.

Книга вышла весной 1953 года, а за ней, уже в канун 1955 года последовал поток публикаций: факультеты МГУ, представляющие разные дисциплины, спешили показать их развитие в лоне университета (и реально продемонстрировали удивительный рывок, который проделало российское научное знание в эпоху ускоренной модернизации XVIII–XIX веков)¹³⁰.

Среди юбилейных изданий, бесспорно, выделялась двухтомная «История Московского университета» (М., МГУ. 1955, тираж 7000 экземпляров). Этот труд, написанный коллективом исследователей, стал первым обобщающим трудом по истории Московского университета за 200 лет. В дни юбилея увидели свет исследование профессора исторического фа-

¹²⁹ Пенчко Н.А. С. 8.

¹³⁰ Еще в 1950 году по инициативе руководства МГУ была создана «бригада научных сотрудников Московского университета по сбору и изучению архивных и других материалов, относящихся к истории университета. Отчеты о командировке представлены в фондах Музея истории МГУ.

культета МГУ М.Т. Белявского «М.В. Ломоносов и основание Московского университета» (М., 1955, тираж 6000 экземпляров), капитальный труд А.Ф. Кононкова «История физики в Московском университете» (М., 1955) и ряд других изданий, в тени которых оказалась работа Пенчко.

Черты «бронзового» облика Ломоносова были заложены в процессе празднования его юбилеев, начиная с 1911 года, а главное – юбилеем 1955 года. Нельзя не согласиться с тем, что расхожий «образ Ломоносова имеет мало общего с реальным человеком, жившим в середине XVIII столетия и действительно своим ярким, многосторонним талантом символизирующим национально-культурное возрождение послепетровской эпохи»¹³¹.

Конъюнктурность историографии ярко проступает и при рассмотрении роли куратора И.И. Шувалова (и кураторства вообще) в истории университета. Шувалова воспевали Ломоносов и Державин, его роль последовательно подчеркивалась в речах на университетских юбилеях и торжествах вплоть до начала XX века. Далее следовал период забвения университета, а когда о нем вспомнили, то отношение поменялось на прямо противоположное: Шувалов стал прежде всего дворянином (а значит – «крепостником»), соперником Ломоносова и лицемером. Н.А. Пенчко, работавшая с документами, в рамках своей «первичной концептуализации» не могла не признать некоторые заслуги Шувалова и его общую роль покровителя (без подобных «сильных ходатаев» Московский университет «могла бы постигнуть участь Академического»)¹³². Но уже в книге М.Т. Белявского¹³³ и в соответствующей главе «Истории Московского университета»¹³⁴, написанной им же (он входил и в редколлегию издания), даже этот подход оказался недостаточно «классовым». М.Т. Белявский пишет: «Нам кажется явным преувеличением утверждение Н.А. Пенчко, что в 1762 году сам Шувалов начинает проводить политику демократизации гимназии», ибо Шувалов не поддерживал идею бессословной школы потому, что «отстаивал интересы крепостников»¹³⁵.

¹³¹ *Каменский А.Б.* Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы: препринт WP6/2007/04. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 31.

¹³² Там же. С. 56

¹³³ *Белявский М.Т.* М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Издательство Московского университета, 1955.

¹³⁴ История Московского университета. Т. 1. М.: Издательство Московского университета, 1955.

¹³⁵ Там же. С. 123–124.

Протоколы выходят в свет

Источник, который в своей монографии 1953 года «открыла» науке Н.А. Пенчко, был оценен и привлек к себе внимание: постановлением редакционно-издательского совета МГУ документы «снегиревского собрания» решено было опубликовать к юбилею со дня рождения М.В. Ломоносова в 1961 году. На протяжении 1960–1963 годов вышло трехтомное издание¹³⁶, научную обработку и комментирование документов которого выполнила главный библиотекарь библиотеки МГУ им. А.М. Горького Н.А. Пенчко. За эту публикацию она была награждена Ломоносовской премией (II степени) 1963 года¹³⁷.

Публикация составила три тома, хронологически охватывающие периоды соответственно 1756–1764, 1765–1766, 1767–1770 и 1786 годов. Это издание, являющееся, на наш взгляд, образцом академической публикации советского периода и неизбежно вызывающее восхищение грандиозностью задачи и уровнем ее выполнения, не утратило своей научной ценности и по сей день.

Документы были выстроены хронологически, по принципу взаимодополнения. В начале каждого тома помещено введение, в котором ответственный редактор издания проф. Г.А. Новицкий писал о специфике документов данного тома с точки зрения археографической и источниковедческой. Здесь также содержится краткий обзор тех проблем, которые, с точки зрения автора, позволяют раскрыть документы тома – фактически составляющий микроисследование (и в этой части автор очень субъективен).

Каждый том содержит общее археографическое предисловие и предисловия к каждому разделу (Н.А. Пенчко). Примечания очень подробные, полные, с привлечением дополнительных источников, современной литературы (в них содержатся отсылки к другим документам издания, поэтому данные перекрестно проверяются). Именной указатель отсылает к источникам, содержащимся в документах тома (каждая персоналия – отдельная биографическая справка, порой достаточно просторная; таким образом, подобно примечаниям, этот раздел носит исследовательский характер). Предметно-географический указатель позволяет ориентироваться в материале. Предметные рубрики этого указателя, выделенные

¹³⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. [В 3-х т.] Подг. к печати Н.А. Пенчко. М., 1960–1963.

¹³⁷ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 32. Л. 192.

Н.А. Пенчко как самостоятельные объекты внимания, также представляют собой итог аналитической работы: здесь выявлены главные явления и направления деятельности университета – от аттестации домашних учителей до стипендий, награждений и пр.; дана картина географических связей университета. В конце издания – словарь терминов XVIII века и перечень публикуемых документов с раскрытием их содержания.

Восхищаясь добротностью публикации с точки зрения археографической культуры, следует сказать о выходящей за рамки археографии «небеспристрастности», идеологической нагруженности введений Н.А. Пенчко к разделам.

Теперь о полноте публикации. В археографическом предисловии к публикации Пенчко сообщает, что прилагаемые к протоколам Конференции материалы «в основном» дублировали содержание протоколов, поэтому при публикации было решено «в ряде случаев предпочесть протоколам приложенные к ним материалы»¹³⁸. В археографических предисловиях к разделам публикатор предупреждает: в целях сокращения издания опущены латинские тексты документов, которые дублируются русскими переводами и прочая дублирующаяся информация (в случаях, когда документы печатались с сокращениями, пропуски обозначались отточием). В подстрочных примечаниях, по словам Н.А. Пенчко, она давала указание на связь документов с соответствующими протоколами, «частично используя содержание непубликуемых приложений к протоколам в комментарии»¹³⁹.

Надо учитывать, что публикация содержит и некоторые другие пропуски. Вероятно, в основном это небольшие потери, например, «ввиду большого количества повторяющихся в тексте титулов в их написании допущены сокращения». Но вот, например, разделу, содержащему документы 1761 года, предпослан такой комментарий: «Документы 1761 года печатаются с некоторыми изъятиями, преимущественно за счет многочисленных ордеров Веселовского, *которые не представляют научного интереса*»¹⁴⁰. Это несколько неожиданно, ведь «интерес» документа – вопрос субъективный, и «любой исторический памятник может стать

¹³⁸ «В тех случаях, когда текст протокола представляет собой... латинский перевод, пересказ или даже простой перечень приложенных к нему в подлиннике русских документов, обычно со стандартной резолюцией Конференции “доложить Куратору”» // *Документы*. Т. 2. С. 17–18.

¹³⁹ Там же. Т. 2. С. 17–18; Т. 1. С. 36 (здесь и далее курсив наш. – И. К.).

¹⁴⁰ Там же. Т. 1. С. 187.

источником важных сведений, если знать, как к нему подойти, какие вопросы задать»¹⁴¹. Таким образом, использование правомерно считающейся классической публикации Н.А. Пенчко на деле требует обращения к оригиналу (что затруднено в силу ветхости томов «снегиревского собрания», по словам хранителей ОРК Научной библиотеки МГУ, нуждающихся в серьезной реставрации).

Стереотипы историографии

Любопытно, что после празднования 200-летнего юбилея история Московского университета XVIII века, обеспеченная рядом солидных трудов, опирающихся на документальный архив, стала повторением историографической ситуации XIX века. Если тогда историки ссылались на С.П. Шевырева, то теперь – на «юбилейные» издания. При этом шло тиражирование общих мест, стереотипов, возникавших в публикациях 1950-х годов и перекочевывавших в учебники и массовую литературу.

Если говорить об историографии в целом, самый масштабный миф – это миф о Ломоносове: эпоха сентиментализма XVIII века предопределила успех «пасторального» образа крестьянского мальчика, пешком пришедшего в Москву учиться, подхваченный и развитый советской историографией, а оттуда перекочевавший в массовое сознание. Порой сам Ломоносов прибегал к образу «простеца», используя специфическую риторiku типа «принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод»¹⁴². На деле Ломоносов был сыном зажиточного северного промышленника и торговца, всю жизнь тосковавший по финансовой независимости и стремившийся к возвращению в «среднее сословие»¹⁴³.

Еще один стереотип, сложившийся в послевоенной историографии – это борьба русских профессоров с иностранцами (мы уже говорили о том, почему эта установка появилась в литературе в послевоенный период). Нельзя сказать, что конфликтов не было вовсе. Государство приглашало иностранных ученых как носителей академической культуры

¹⁴¹ Гуревич А.Я. М. Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1973 (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Blok_M/06.php).

¹⁴² Письмо Ломоносова к И.И. Шувалову от 31 мая 1753 года // Ломоносов М.В. Соч. М.; Л., 1948. Т. 8. 1. С. 127.

¹⁴³ См.: Кулакова И.П. Михаил Ломоносов: жизненные стратегии.

и готово было платить им по повышенным ставкам, и они также в полной мере использовали тот символический капитал, который обеспечивался их особым положением, ощущая себя именно хранителями академических традиций. Как можно видеть по документам, на заседаниях университетского Совета профессора-иностранцы часто ссылаются на европейские нормы.

Рассмотрим сюжет, содержащийся в материалах Протоколов, который в искаженном виде продолжает бытовать в массовой исторической литературе и обычно формулируется как «горячая борьба Н.Н. Поповского с иностранными профессорами за чтение лекций по философии на русском языке» (параллельно борьбе Ломоносова «с засорением русского языка иностранщиной»).

Сам первоначальный этап становления университета в России предопределил то обстоятельство, что лекции в Московском университете читались на латыни (с одной стороны, это было традицией европейского университета, с другой, русским языком профессора-иноземцы не владели; с третьей, их слушатели плохо или совсем не знали языков европейских). И.И. Шувалов в своей инструкции директору Аргамакову писал, что «университет... единственно за неимением знающих латинский язык ныне начаться не может».

Протокол заседания конференции (от 19 сентября 1758 года) зафиксировал ситуацию, в которой возник компромиссный вариант: «Г. Поповский предложил, чтоб философия читалась по-русски для *нескольких* учеников, ездивших в Петербург, и для *некоторых* других, из коих *одни вообще не желают учиться латыни*, а другие уже слишком великовозрастны, чтоб быть в состоянии окончить латинский язык к 20 годам; кроме того, они уже сделали успехи в других предметах, которые должны будут оставить из-за латинского языка. Но, чтоб дать им все-таки понятие о философии, г. Яремский может им ее читать 4 часа в неделю по-русски» (здесь и далее курсив мой. – И. К.)¹⁴⁴.

Реакция на это предложение профессоров-иностранцев¹⁴⁵, присутствовавших на Совете, собственно, и заложила основы мифа об их противодействии русскому языку, хотя с их аргументацией трудно не согласиться. В протоколе зафиксировано, что в отличие от г. Поповского «остальные гг. профессора, *хотя и считают тоже, что это было бы полезно для небольшого числа таких учеников*, опасаются, как бы легкость слу-

¹⁴⁴ Документы. Т. 1. С. 135 (курсив мой. – И. К.).

¹⁴⁵ Присутствовали профессора Дильтей, Фромман, Шаден, Керштенс.

шания философических лекций на русском языке не привлекла всех других учеников и не отвратила бы их от занятий латинским языком, который есть главная цель учреждения университета и основание всех наук, и к которому большинство отнюдь не имеет склонности»¹⁴⁶.

Итак, на деле несогласие Поповского и профессоров-иностранцев было обусловлено не столько ситуацией с чтением курса на русском, сколько отлыниванием учеников гимназий от изучения латыни.

Первые поколения российских студентов собирались из весьма разных социальных слоев, и ситуация была очень специфична – дворянские дети, разночинцы (солдатские дети и др.) и «поповичи». Выходцы из духовного сословия обычно неплохо владели латынью. Для дворян же латынь была мукой, так как не входила в круг дворянского светского образования. Русские преподаватели-практики, стремившиеся удержать в классах гимназистов первого призыва, искали выход и видели его в адаптации преподавания, в использовании русского языка. (Ученик Ломоносова Николай Поповский как раз был практиком с опытом: по окончании курса при Академии наук он был некоторое время конректором Академической гимназии).

Определенную тенденциозность можно заметить и в трактовке другого протокольного свидетельства, связанного с проблемой латыни. Комментируя его, Г.А. Новицкий усмотрел у куратора Адодурова намерение «унизить и подорвать авторитет молодых ученых [что] выразилось... в его приказе читать им лекции только на латинском языке»¹⁴⁷. Между тем для европейского профессора XVIII века чтение лекций на латыни было одной из академических практик, владение латынью – нормой, гарантией коммуникабельности. В своих проектах, относящихся к области образования, Ломоносов, сам знаток латыни, отводил важное место изучению латинского языка, считая его обязательным предметом для среднего образования.

¹⁴⁶ Там же (курсив мой. – И. К.).

¹⁴⁷ Документы. Т. 1. С. 7. Действительно, Адодуров настаивал на апробации Третьякова и Десницкого в чтении лекций по латыни, «чтобы... господа профессора удобнее о пользе и исправности оных рассуждать могли» (Там же. Т. 3. С. 51–52). Это не было его капризом: знание латыни он считал обязательным и для собственной 10-летней дочери, которой давал домашнее классическое образование (см.: Кулакова И.П. Что читали некоторые папы своим дочкам (из истории домашнего образования в России 1760-х годов) // Книга и мировая цивилизация. Материалы XI Международной конференции по проблемам книговедения. М., 2004).

Искусственно введенная в российскую общественно-языковую практику (еще во второй половине XVII века), латынь сыграла роль языкового посредника в приобщении России к европейской науке и культуре и могла способствовать международным коммуникациям¹⁴⁸. Уже в первой половине XVIII века латинский язык создал «апперцепирующий фон для дальнейшей европеизации русского литературного языка, для развития абстрактных понятий в его семантической системе». Он сыграл громадную роль «в процессе выработки отвлеченной научно-политической, гражданской, философской терминологии XVIII века»¹⁴⁹. Но в конкретной московской образовательной ситуации чтение лекций на русском языке (с конца 1760-х годов) стало нормой. Разумеется, Ломоносов, работавший над реформой русского языка, над выработкой новой терминологии¹⁵⁰, именно как практик российского образования добивался переводов на русский язык многих своих учебных пособий, желая сделать их широкодоступными; по той же причине он поддерживал чтение лекций по философии на русском языке Поповским – «чтобы каждый, российский язык разумеющий, мог удобно ею пользоваться»¹⁵¹ (в Московском университете курс философии был первой ступенью, обязательной для всех учащихся). Но *студент* университета – это не «каждый», и знание латыни на *повышенных* уровнях осталось обязательным условием выведения образовательного уровня на уровень европейский (да и отношение дворян к латыни к началу XIX в. кардинально изменилось¹⁵²).

¹⁴⁸ Вот что пишет исследователь научных связей России и Венгрии Ласло Молнар: «Вести о научной жизни Петербурга, Москвы, Киева, Тарту и Казани намного опередили информацией с произведениями русских поэтов и писателей. В то время как писатели, создающие свои произведения на национальном языке, должны были ждать, пока их произведения станут доступными для читателей, не владеющих славянским языком, за рубежом» // Молнар В. Ласло. Русско-венгерские культурные связи (1750–1815). Йошкар-Ола: Стезя, 1993. С. 117.

¹⁴⁹ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 57.

¹⁵⁰ См. учение о «трёх штилях» в его рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» (1757).

¹⁵¹ Из речи Н.Н. Поповского по философии, прочтенной им в качестве первой лекции 1755 года, опубликованной затем Ломоносовым (Ежемесячные сочинения, 1755 (Август). С. 167–176).

¹⁵² Д.Н. Свербеев говорит о кружке любителей «древней словесности» начала 19 века, собиравшемся вокруг профессора Р.Ф. Тимковского: «...человек пять из старших гимназистов и семинаристов с основательным познанием латыни» («а между молодыми – я из первых», добавляет дворянин Свербеев (Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 67.). И.М. Снеги-

Подводя итог случаям с прямолинейными трактовками материала протокольных записей, отметим: российская образовательная ситуация XVIII века представляет собой слишком сложную мозаику, чтобы продолжать руководствоваться штампами, и требует учета разницы позиций и психологии всех участников процесса.

Информационный потенциал протоколов

Публикация Протоколов сделала доступными для практикующих историков университета эти интересные и разнообразные материалы, которые, казалось, давали возможность использовать их в самых разных направлениях. Как же распорядились ею историки?

Разумеется, нельзя учесть все «точечные» случаи использования данных из публикации Н.А. Пенчко. Но в систематическом изучении этих материалов нами не замечен никто (историки при этом охотно используют труд С.П. Шевырева, ставший доступным благодаря переизданию факсимильным способом в 1998 году с приложением именного указателя¹⁵³).

В доперестроечный период можно отметить обращение к материалам Протоколов университетского историка Б.И. Краснобаева в его небольших, но чрезвычайно глубоких работах¹⁵⁴. Позднее авторы прибегали к отдельным сведениям из Протоколов при разработке различных тем, связанных, как правило, с историей высшего образования, его институтов

рев, с 1815 года магистр словесных наук, настолько увлекся латинским языком, что искал людей, с которыми можно бы было говорить по-латыни, а с академиком Френом завязал переписку на латинском языке. Уже к 1820-м годам владение латынью стало восприниматься как свидетельство «серьезного» образования.

¹⁵³ *Шевырев С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Ротапринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.

¹⁵⁴ *Краснобаев Б.И.* Начальный период деятельности Московского университета // История СССР. 1980. № 3; *Он же.* Издательство Московского университета в системе русской культуры второй половины XVIII века // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1981. № 3. См. также статью его ученицы: *Шишкова Э.Е.* Университетский Благородный пансион // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1979. № 6.

и институциональных особенностей Московского университета¹⁵⁵; эпизодически делали это и историки науки¹⁵⁶.

В последние годы появилось несколько диссертационных исследований, посвященных социальной среде Московского университета, рассматриваемой авторами в социокультурном аспекте¹⁵⁷. Авторы этих серьезных исследований более или менее активно использовали данные делопроизводственных материалы XVIII века (к сожалению, не слишком углубляясь в психологию поведения субъектов своих исследований).

С конца 1990-х годов начали закладываться подходы к культурно-антропологическому направлению в использовании Протоколов¹⁵⁸. Данные Протоколов привлекаются при разработке разными авторами такого важного направления, как история университетского человека. Московский университет на протяжении второй половины XVIII в. подготовил и связал между собой огромный и разнородный контингент людей: кураторов и ассессоров, профессоров и преподавателей, студентов и учителя-

¹⁵⁵ *Иванов А.Е.* Учёные степени и звания в дореволюционной России. М., 1994; Ректоры Московского университета. 1755–1992. Биографический словарь / сост. В.В. Ремарчук, С.И. Болтанчев и др. М., 1996; *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000; *Он же.* Российские университеты; *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете М., 1996. См. также сб. статей: Российские университеты в XVIII–XX веках: сб. науч. ст. / редкол.: В.И. Чесноков и др. Воронеж: ВГУ, 1993–2002.

¹⁵⁶ *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в 18 в. М., 1996; *Кузнецова Н.И.* Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX вв.). М., 1997; *Пономарева Г.А., Щеглов П.В.* Об учебной астрономической обсерватории, построенной в 1804 году на крыше центральной части корпуса Московского университета на Моховой улице // Историко-астрономические исследования. Т. 25. М., 2000.

¹⁵⁷ *Кунц Е.В.* Иностранцы профессора в штате Московского университета в первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; *Сердюцкая О.В.* Московский университет второй половины XVIII в. как государственное учреждение. Преподавательская служба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2008; *Карпова И.Л.* Газета «Московские ведомости» как источник по истории отечественного книжного дела второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

¹⁵⁸ Университет для России. М.: Русское слово, 1997; *Иванов А.Е., Кулакова И.П.* Студенческая повседневность: постановка проблемы и направления исследования // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века): сб. науч. ст. М., 2004; *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели; *Кулакова И.П.* Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2008. № 9.

лей университета – субъектов русской культуры. При изучении личности и жизненного пути каждого представителя самых разных дисциплин и направлений (историки, филологи, историки науки и др.) находили (и смогут находить) информацию в «снегиревском собрании». Особенно повезло И.И. Шувалову: его заслуги как основателя университета были вновь подняты «на щит», ему посвящено немало статей¹⁵⁹ (МГУ даже переиздал небольшую часть текстов «репортов» к Шувалову из первого тома издания Н.А. Пенчко, в сборнике, посвященном Шувалову¹⁶⁰). Тексты Протоколов (в сочетании с другими источниками) постоянно использует в своих статьях об университетских деятелях Д.Н. Костышин, для которого характерно внимание к факту¹⁶¹. Активно пользуются изданием Протоколов литературоведы ИРЛИ РАН (при написании биографических статей «Словаря писателей XVIII века»¹⁶² – свода биографий тех лиц, которые участвовали в литературном движении XVIII века: среди них университетские деятели занимают видное место). Впрочем, невозможно учесть все случаи эпизодического использования делопроизводственных материалов XVIII века. Очевидно, однако, что они пока не стали предметом специального интереса.

Разумеется, потенциал текстов «снегиревского собрания» далеко не исчерпан. Назовем только два возможных направления, которые кажутся перспективными. Неисследованная область здесь – университетская повседневность (бытовая и учебная) в той форме, как ее понимает «новая культурная история». Еще один возможный ракурс – сетевые взаимодействия¹⁶³, личные связи разного уровня, которыми наполнен материал Протоколов, как вертикальные, традиционные (начальник – подчиненный, покровитель – клиент, учитель–ученик), так и горизонтальные (различные виды сообществ, как старого, так и нового типа, приемы партнерского сотрудничества).

¹⁵⁹ См., например, статьи в изд.: *Философский век. Альманах*. 8. Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории». К 275-летию Академии наук. СПб., 1998.

¹⁶⁰ И.И. Шувалов / сост. В.В. Ремарчук, Н.Б. Мельникова. Справочно-информационная серия «Московский университет на пороге третьего тысячелетия». Вып. 17. М., 1997.

¹⁶¹ См., например: *Костышин Д.Н.* Алексей Михайлович Аргамаков. Материалы для биографии // *Россия в XVIII столетии*. М., 2004.

¹⁶² *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1–3. СПб.: ИРЛИ РАН, 1988–2010.

¹⁶³ О типах связей см.: *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 32 и след.

Завершая, добавим: неисследованными остаются делопроизводственные материалы Московского университета не только XVIII, но и XX века: они практически не привлекали внимания исследователей (архивы XIX века исследованы несравнимо лучше; поток исследований, воспоминаний (и их публикаций), переписей (обследований и студенческих самообследований) и пр. нарастал по мере приближения к 1905 году и некоторое время после него¹⁶⁴). А далее, после 1917 года, опять настал период отрешения от анализа собственной истории, сохраняющий пока свое инерционное влияние.

В настоящее время рефлексия университетского сообщества не слишком велика. Мемуары еще здравствующих универсантов, посвященные университетской жизни и изданные в последнее время, можно пересчитать по пальцам; нельзя сказать, что активно издается то, что уже накоплено (а ведь в фонде рукописей Научной библиотеки, факультетских и университетских музеях и Архиве Московского университета достаточно материалов личного происхождения). В наши дни российская образовательная система находится в состоянии кризиса, и уже этим обусловлена необходимость переосмысления истории университетов в части поведенческих стратегий корпораций и их членов в различных ситуациях. Культурную же обусловленность и историческую предопределенность многих черт современной высшей школы можно понять, обратившись к принципам практической организации российского университетского образования на всех этапах его развития.

¹⁶⁴ См.: *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец 19 – начало 20 века. Очерки. М.: Новый хронограф, 2010. Очерк 7 (Штрихи к культурному портрету студенчества).

Препринт WP19/2013/01
Серия WP19
Исторические исследования

Кулакова И. П.

**Протоколы конференции Московского
университета второй половины XVIII века:
история создания и использования**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,2
Усл. печ. л. 2,8. Заказ № . Изд. № 1539

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»